

На мгновение Се Яньхан засомневался, не подводят ли его старые глаза. Он вертел лист под разными углами, вглядывался снова и снова, но ошибки быть не могло — на бумаге действительно проступали едва заметные разводы, какие обычно оставляет вода.

— Не то, — бережно проведя ладонью по бумаге, пробормотал Се Яньхан. Его рука на миг замерла. — На ощупь совсем не то.

Он не дерзал утверждать, будто подержал в руках все сорта бумаги, что производились в Великой Чжоу, но добрая половина через его руки точно прошла. И у большинства из них изъянов хватало. То сырые плохо очистят, отчего лист выходит темным или грязно-желтым, то по нему пойдут неровные комковатые хлопья, то труха посыплется от легкого прикосновения... Подобным бедам не было числа. С такой бумагой приходилось обращаться с величайшей осторожностью, чтобы невзначай не порвать и не превратить в бесполезный сор.

Однако этот бледно-желтый лист, что лежал перед ним, отличался удивительно плотной, тонкой текстурой. Пусть цвет отдавал желтизной и кое-где темнели мелкие соринки, бумага была прочной — переворачивай как угодно, не рассыплется. И хотя поверхность покрывали неровные складки, по сравнению с тем, что обычно продавали лавочники, это качество можно было смело назвать средним.

Белоснежные, нежные, точно человеческая кожа, сорта ценились на вес золота и шли исключительно во дворец. Таковой была и знаменитая «Лунная изморозь», которую уезд Шаоюань обязан был поставлять к императорскому двору в качестве дани. Вещь великолепная, но баснословно дорогая в производстве и редкая — ее делали так мало, что ежегодный сбор сразу оседал в государственной казне или личных закромах государя, откуда лишь изредка извлекался для наград особо отличившимся сановникам.

В доме Се Яньхана хранилась пожалованная когда-то самим императором Цзяньюанем сандалово-тутовая бумага, и она, конечно, была совсем иного разбора. Однако если мастер приложит руку и усовершенствует здешнее ремесло, этот желтоватый лист тоже можно будет причислить к превосходным сортам.

Цзян Умянь прислал изрядную стопку, ровно нарезанную лист к листу. Охваченный внезапным вдохновением, Се Яньхан взмахнул кистью, вывел свое имя, а ниже приложил печать со вторым именем. Черная тушь легла ровно, почти не расплываясь по желтоватому полотну, а киноварный оттиск проступил на удивление четко и ярко.

— Превосходно! — выдохнул он.

Отложив исписанный лист просыхать, Се Яньхан взял еще один — из тех, что пострадали при сушке, — и принялся писать ответ своему ученику.

За то время, что он провел в префектуре Нанькан, ему довелось повидать и уездных судей, и многочисленных гостей в управе, и мелких чиновников. Переписав горы бумаг на привозной бумаге Цингуань из префектуры Цинчжоу, он прекрасно знал: в здешних краях собственного

бумажного производства отродясь не водилось.

«Откуда же его ученик раздобыл этот сорт? Из какой дальней провинции выписал?» — недоумевал Се Яньхан.

На что Цзян Умянь в ответном послании лаконично отписал: «Пройдет немного времени, и вы сможете покупать ее прямо в уезде Шаоюань».

Вместе с письмом он прислал новые образцы — на этот раз высушенные по всем правилам, без единого изъяна.

Передав ответ управляющему Се, прибывшему вместе с учителем, Цзян Умянь распорядился погрузить в повозку кувшины с домашним вином, которое закончил настаивать несколько дней назад.

Проводив взглядом скрывшийся вдали экипаж, уездный судья посмотрел на небо и, сверившись с планами, отправился в укрепление Пинчао. Раз уж трудности с сушкой удалось преодолеть и технология доказала свою жизнеспособность, пришла пора открыть настоящую бумажную мастерскую.

Укрепления Пинчао и Цзиньмяо располагались неподалеку друг от друга. В Пинчао крестьяне испокон веков выращивали сладкий тростник чжэ, тогда как в Цзиньмяо тростниковых посадок было меньше, зато имелись отличные террасы на склонах и обширные тутовые рощи.

Метод изготовления бумаги, разработанный Цзян Умянем, требовал большого количества тростникового жома и тутовой коры. Саму же мастерскую следовало поставить у воды, на открытом солнечном месте с хорошими дорогами — так было бы проще возить сырье и сушить готовые листы.

Уездного судью сопровождали помощник судьи Чжоу, советник Линь и двое стражников.

Помощник судьи Чжоу хорошо знал местные обычаи, что уберегало от досадных промахов в общении со здешними жителями. А советник Линь в свое время обучал их приготовлению удобрений и часто расспрашивал о делах в общине, так что его появление никого не могло удивить.

И все же старейшина Кан, заправлявший делами в укреплении, принял гостей с некоторой тревогой. Он невольно засомневался, не стряслась ли какая беда, раз сам господин уездный судья пожаловал к ним лично. В другие деревни чиновники тоже заглядывали, но обычно то были простые стражники, присланные разузнать про заготовку удобрений или переписать дворы. Чтобы в глухое селение разом явились и уездный судья, и его помощник, и советник — о таком здешние отродясь не слыхивали.

Заметив его замешательство, Цзян Умянь бросил красноречивый взгляд на советника Линя, и тот сразу выступил вперед:

— Господин уездный судья прибыл узнать, не терпит ли ваше укрепление в чем нужды. Как продвигаются дела с компостом? Пошел ли он на пользу вашим посадкам сладкого тростника чжэ?

Вопрос не был праздным предлогом для разговора: жители Пинчао кормились за счет сладкого тростника чжэ, почти не занимаясь рисом или разведением шелкопряда. Если в соседних селениях удобрения заготавливали главным образом для рисовых чеков, то здесь все силы уходило на подкормку тростниковых полей.

Услышав это, старейшина Кан заметно приободрился. Он поспешил отдать распоряжение накрыть для гостей стол, а сам вызвался показать им заготовленный в дворах перегной.

По дороге он почтительно докладывал:

— Мы в точности исполнили ваш указ, господин уездный судья. Компостные кучи обустроили подальше от жилых изб, прямо у края пашен. Так и запаха меньше, и разносить по земле сподручнее — ни крупницы зря не пропадет.

Способ ферментации, предложенный Цзян Умянем, неизбежно вел к размножению микробов, и соседство с такими кучами прямо под окнами грозило повальными болезнями.

Советник Линь еще раз обстоятельно напомнил правила ухода за компостом и предостерег крестьян от поспешности при внесении удобрений в почву.

— Первая заделка идет под вспашку, для насыщения земли, — наставлял он. — А для последующей подкормки риса готовится совсем иной состав. Не вздумайте из лени вываливать его под сладкий тростник чжэ. Коли пожжете посадки, весь годовой труд пойдет прахом. С мерой тоже будьте аккуратны. Поскупитесь — толку не увидите, а переборщите — корни сгорят, и побеги зачахнут на корню.

Старейшина Кан внимал каждому слову, то и дело задавая вопросы о неясных мелочах, а советник Линь терпеливо разъяснял все тонкости.

Осмотрев склады и убедившись, что в укреплении все идет своим чередом, Цзян Умянь наконец перешел к главному делу:

— Мы намерены построить бумажную мастерскую, которая объединит силы Пинчао и Цзиньмяо.

На миг старейшина Кан лишился дара речи, не в силах осознать услышанное. Цзян Умянь

терпеливо повторил свое предложение и добавил:

— Если у вас есть какие-то сомнения или опасения, говорите прямо. Ваше укрепление тесно связано с горными племенами. Не нарушим ли мы ненароком их священных запретов?

Судье еще не приходилось близко сталкиваться с горцами, но он знал, что их уклад полон строгих верований. Одни племена поклонялись целебным травам, другие чтили Святую Матушку, третьи обожествляли лесной гнус и гадов. Цзян Умянь же внес изменения в традиционный рецепт, добавив в состав сок нескольких местных растений, и теперь всерьез беспокоился, не навлечет ли это гнев лесных духов в представлении горцев.

На смену растерянности на лице старейшины Кана пришло глубокое изумление.

«Наш уездный судья Цзян и впрямь человек редкой души, — подумал старейшина Кан. — Надо же, даже о таких вещах заранее подумал!»

Прежний уездный судья и носа не показывал в их сторону. О существовании лесных общин он вспоминал лишь тогда, когда приходил черед собирать налоги или забирать готовый каменный мёд. Новый же уездный судья вникал в каждую мелочь: и вестями делился, и при заготовке удобрений особо учел, что в укреплении выращивают тростник, не поленившись прислать подробные наставления. А теперь вот решил поставить мастерскую и снова первым делом обратился к ним. «Истинный отец народа, не иначе!» — растрогался старик.

Цзян Умянь не догадывался о буре чувств, бушевавшей в груди собеседника. Заметив лишь, как глаза старейшины Кана внезапно увлажнились, а сам он уставился на него со смесью благоговения и признательности, уездный судья невольно затрепетал: неужели он и впрямь угадал и дело принимает скверный оборот?

Он покосился на помощника Чжоу. Тот перед выездом подробно изложил ему все верования здешнего люда, и растений, выбранных для варки целлюлозы, среди запретных точно не значилось.

Помощник Чжоу тоже слегка нахмурился, не понимая причин такой бурной реакции. Пусть прежде ему и не доводилось бывать в самом уезде Шаоюань, с делами лесных жителей он сталкивался регулярно через купцов, торговавших с горными племенами, и за достоверность своих сведений мог поручиться. Неужели в чащобе объявился какой-то новый, неведомый доселе клан со своими причудливыми верованиями?

К счастью, старейшина Кан вовремя прервал затянувшееся молчание, развеяв все опасения:

— Премного благодарны вам, господин уездный судья, за заботу о нашей скромной общине! В горах действительно чтут древние обряды, но тамошним жителям нет дела до того, чем занимаются люди на равнине. Пока мы сами не лезем в их священные чащи и не нарушаем рубежей, никто и слова против не скажет.

Немного помолчав, старик осторожно поинтересовался:

— Но позвольте спросить, господин уездный судья... как именно вы планируете обустроить эту мастерскую?

Раз уж верования горцев не стояли преградой, дело оставалось за малым.

— Мы поставим чаны для варки сырья прямо в ваших укреплениях, — спокойно разъяснил Цзян Умянь. — Сейчас вся префектура Нанькан закупает бумагу из префектуры Цинчжоу. Ни один из восьми подвластных уездов не производит собственного листа. Если мы откроем мастерскую здесь, в уезде Шаоюань, очень скоро купцы со всей округи потянутся к нам за товаром.

Старейшина Кан загорелся этой мыслью, но тут же вновь замялся, растерянно почесав затылок:

— Задумка великая, господин уездный судья... Да только среди наших отродясь никто бумажного дела не знал. Как же быть?

Раз уж во всем Нанькане мастеров сыскать невозможно, неужто придется выписывать умельцев из далекого Цинчжоу?

— Обучить людей — забота уездной управы, — небрежно обронил Цзян Умянь. — Я пришлю человека, который покажет все приемы.

Собственных верных слуг у него пока не прибавилось, зато можно было одолжить умелых людей у своего учителя. Сам Цзян Умянь прибыл на службу налегке, взяв с собой лишь нескольких советников да писарей и даже не обзаведясь приличным слугой. Зато Се Яньхан перебрался на юг основательно, перевезя за собой все свое многочисленное семейство и челядь. Те слуги, что не побоялись отправиться за барином в суровый и дикий край Линнань, были либо преданными старыми служаками, либо людьми, готовыми делить с хозяином любые невзгоды.

Одолжить у учителя парочку толковых управляющих на время не составит труда. Они быстро наладят дело, а затем обучат местных жителей разделению труда. Пусть одни берут на себя варку сырья, другие — отлив листа, третьи — сушку. При таком подходе работа пойдет в разы быстрее, а самых смысленных со временем можно будет поставить присматривать за остальными.

Старейшине не терпелось расспросить уездного судьи о плате за труды и о том, как станут отбирать работников, но он робел. Вдруг господину судье наскучат его бесконечные расспросы, он разгневается да и вовсе передумает строить мастерскую? Каким бы снисходительным ни казался молодой чиновник, он все же оставался грозным уездным судьей, и один лишь его приезд в эту глушь уже был величайшей милостью.

Цзян Умянь, заметив его нерешительность, сам заговорил о самом насущном:

— Управа берет на себя все расходы. Мастерская станет закупать у вас тростниковый жом, оставшийся после выварки каменного мёда, платить будем честно, по весу. Работников наберем из числа жителей обоих укреплений, а плату станем выплачивать аккуратно, раз в месяц, без задержек.

Если все сложится удачно, уже к концу года вся префектура Нанькан перейдет на бумагу из уезда Шаоюань. Спрос обещал быть столь велик, что мастера едва ли будут успевать выполнять заказы. В уезде Шаоюань то свирепствовали яростные ветры, то неделями лили проливные дожди, из-за чего сушить бумагу на открытом воздухе было невозможно — приходилось томить ее в закрытых покоех, что сильно затягивало процесс и требовало немалых хлопот.

И все же отменное качество нового листа наверняка придется по душе наставникам из государственных школ. К тому же в торговых списках шаоюаньских караванов появится новый ценный товар, который прославит их глухой уезд далеко за его пределами.

После этих заверений у старейшины Кана отлегло от сердца. Слово уездного судьи Цзяня было тверже кремня — все в округе знали, что беглым и бездомным, нанятым на общественные работы, он выплачивал причитающееся день в день. Никто в уезде и помыслить не мог, будто господин уездный судья способен утаить хоть медную монету или задержать выплаты. Да и в дорожном строительстве, и в заготовке удобрений он выказал такое радение о нуждах простого люда, какого здешние места еще не видывали. На этого человека можно было положиться во всем.

И все же решать за всю общину в одиночку старейшина не смел — дело было слишком важным и касалось будущего каждого двора.

Немного поразмыслив, он поклонился:

— Господин уездный судья, дело это великое, и мне надобно держать совет со старейшинами других родов нашего укрепления. Позвольте дать вам ответ через пару дней.

Цзян Умянь согласно кивнул. Готовясь к поездке, он разузнал уклад местных жителей и понимал, что власть старейшины Кана не безгранична — важные решения лесные роды принимали сообща на совете старейшин.

— Не затягивайте с решением, — мягко напомнил он. — Скоро начнется весенняя пахота, и тогда всем будет не до строительства мастерской.

По его расчетам, закончить постройку следовало до того, как крестьяне выйдут в поле. Если отложить обучение людей на лето, то пока они освоят разделение труда, наступит пора затяжных дождей. Тогда влажный воздух и сырость сделают сушку бумаги бесконечной мукой.

В это время уезд Шаоюань надолго погрузится в туманы и морось, лишая мастеров редких солнечных дней. Время торопило, и медлить с судами-пересудами было никак нельзя.

Напоследок судья добавил еще одно веское слово, окончательно развеяв сомнения старика:

— Наша государственная школа вечно испытывает нужду в хорошей бумаге. Если вдруг проезжие купцы не захотят брать ваш товар, уездная управа выкупит все до последнего листа для нужд государственной школы.

Услышав это, старейшина Кан окончательно воспрянул духом и, поклонившись, поспешил созвать совет.

Едва за хозяином дома закрылась дверь, советник Линь наклонился к судье и тихонько проговорил:

— Господин уездный судья, позволю себе напомнить... советник Цзян все еще ждет, пока вы подпишете смету расходов.

Цзян Умянь:

—...

<http://bllate.org/book/19045/2005022>